

С тошнотворной усмешкой Кусанаги выплюнул клинок изо рта, его нечеловеческий язык обмотался вокруг рукояти, и он закрутил его вокруг себя, даже не потрудившись повернуться, когда парировал удар куная Ханы - легендарное лезвие разрезало алмазную сталь, как восковую свечу, Инудзука, проклиная Инудзуку, уворачивалась от ударов и порезов, изгибаясь и выгибаясь всем телом, отступая за линию деревьев, в то время как Орочимару неотрывно смотрел на Какаши.

Выпустив язык, Орочимару поймал оружие в руку и ухмыльнулся: из-под его ног вырвалась змея размером с карету и с визгливым шипением бросилась на изумленную Хану, желая проглотить ее целиком.

С очередным проклятием Хана зарычала, почти залаяла.

По ее команде из деревьев выскочил последний нинкен, по клямкам и когтям которого заструилась чакра молний, закрутился в злобном тсууге, разрывающем плоть, и врезался в бок змеиной головы, а Какаши спустился сверху и вонзил копье земли в шею зверя, пригвоздив его к земле и остановив его удар, и тот умер.

"Спасибо, но я все предусмотрел".

Дзюнин кивнул.

"Приятно, что ты присоединился к нам, Какаши-кун". Змеиный саннин улыбнулся и повернулся, отводя взгляд от Какаши, чтобы встретиться с ним взглядом. Какаши позволил гендзюцу угаснуть, встав во весь рост. Не было смысла держать его, если Орочимару знал, что оно есть.

"Дзюнин и чуунин... и один маленький генин для Кабуто. Ты уверен, что малышке Харуно не понадобится помощь?"

Какаши хрустнул костяшками пальцев и повернул голову, чтобы сделать то же самое с шеей. "Она справится с Кабуто достаточно долго, чтобы мы могли разобраться с тобой".

Змеиный саннин огляделся по сторонам, чувствуя, как его призыватели расходятся, а три собаки-нинкена рычат и скалятся, подняв загривки. Он заметил, как слюна одного из них шипит и пузырится, касаясь земли, как из раскрытых клыков другого вырывается дым, а у последнего между зубами все еще белеет электрический треск.

Он всегда любил поспорить.

"Ну-ну..." усмехнулся Кабуто. "Маленькая Сакура-тян совсем выросла", - прокомментировал он, когда девочка, уклонившись от нескольких его ударов, присела на дерево над ним, как какая-то уродливая горгулья, и уставилась на него сверху вниз плоскими зелеными глазами.

Затем она улыбнулась, наклонив голову, как любопытная певчая птица. "Кабуто-кун, прошло слишком много времени".

Он слегка улыбнулся и отпрыгнул в сторону, почувствовав, как по его ногам пронесся тонкий водяной хлыст.

Серебристоволосый предатель ухмыльнулся, прикидывая наиболее вероятный недостаток ее здоровья. 'Тайдзюцу'.

Он приземлился, едва успев расколоть ветку дерева, с которой спрыгнул, еще одним водяным хлыстом.

Он прыгнул между деревьями, быстро сокращая расстояние между собой и пинкетэ; его руки горели голубой чакрой.

Сакура сорвалась со своего места, перепрыгивая с дерева на дерево, водяные хлысты и кунаи полетели из ее рук в сторону приближающегося мед-нина.

Кабуто почувствовал, как лезвия вонзаются в его плоть, от скользящих ударов он в основном уклонялся, так как его скорость практически поглощала метры между ними.

Когда он подошел вплотную, нанося удар в воздухе, все закончилось до смешного быстро: финт, удар - и чакра-скальпель рассекает ей горло, кровь вырывается из губ.

Тогда Кабуто нахмурился.

Кровь так быстро не пузырится.

Он пустил чакру по телу, колебля поток, и Сакура перед ним исчезла, показав, что он стремительно приближается к дереву, над которым покоилась пачка зажженных взрывчатых меток.

Он создал клона, и тот дернул его за плащ, чтобы изменить траекторию. Его все равно зацепило бы взрывом, но лучше в десяти футах от него, чем прямо на вершине.

Он даже не успел приземлиться, как взрывчатка сработала: ударная волна пробила ветку дерева, на которую он намеревался приземлиться, и с жестокой легкостью сломала ребро.

Медик-нин упал на землю, уже восстанавливая повреждения своего тела с нереальной скоростью.

Орочимару позволил себе сделать паузу: взрыв поднял в воздух грязь и щепки дерева, а оранжевое зарево пожара пронзило тень деревьев. Орочимару прислушался к своим чувствам, ища девушку и ученика, и обнаружил, что оба живы и здоровы. За исключением того, что чакра Кабуто колебалась, как будто мальчик был ранен.

Он рассмеялся. "Ты был неосторожен, Кабуто-кун?"

Он поднял свой клинок вверх, без труда рассекая кунаи Какаши, а тот спустился вниз с прямым ударом обратным хватом, приземлившись перед змеиным саннином в приседании.

Орочимару ударил его ногой, но Какаши успел повернуть ногу и принять удар голенью, плавно поднявшись на ноги и начав обмениваться ударами со змеем.

Блоки, парирования и контрприемы пролетали между ними, и Какаши, обладающий чуть большей силой, противостоял большей гибкости хэби-стайла.

Вскоре Орочимару схватил Какаши за кулак, а тот схватился за рукоять меча.

"А что, Какаши-кун, ты стал лучше. Даже Шаринган пока не используешь".

Какаши мог бы ответить, если бы все его усилия не были направлены на то, чтобы не дать саннину-змее вывернуть запястье и вскрыть руку ядовитым Кусанаги.

Треск и треск дерева были достаточным предупреждением, чтобы Орочимару перевёл взгляд с Какаши на надвигающуюся Хану Инузуку: чуунин атаковал его, вращающийся дервиш из когтей и клыков, прорывающийся сквозь верхушки деревьев, чтобы добраться до него.

Ударив Какаши ногой в живот, он перевернул мужчину на спину и перепрыгнул через него почти с грацией, когда цугу Хана пробила часть ветки, на которой он стоял, пропустив руку Какаши всего на несколько дюймов.

В середине сальто Орочимару выпрямился, вытянул руку с мечом и пронзил Какаши в левое легкое.

Вместо крови из конструкции вырвалась липкая, похожая на смолу паутина, которая сковала Кусанаги, его руку и правую ногу, когда он приземлился в неподатливый, липкий захват.

Крик тысячи птиц пронесся по лесу, когда настоящий Какаши с нечеловеческой скоростью устремился к саннину.

Со звуком разрываемой плоти, запахом озона и горелого мяса рука Какаши, охваченная молнией, пронзила бледное чудовище насквозь, едва не разорвав его пополам, когда он

промчался мимо человека и приземлился на другой насест.

<http://tl.rulate.ru/book/101658/3501823>